

019
236

0 $\frac{19}{236}$

СМЕРТЬ КНЯЗЯ БОРИСА

Отд. II. № 612.

№ 612. Монархъ въ Рязани
Обществу, апр. 29 1874
Самъ З.

20393

III

0 19
236

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Отд. II. № 612.

Faint, illegible handwriting at the top of the page.

19
—
236

РАЗСКАЗЫ

О

КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ.

Ник. Елагина.

9231-1/504

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.

—
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ,
1-го, ноября 1842 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1842

РАЗСКАЗЪ

О

КІЕВСКОЙ СТАРИНЪ.

=

I.

Много протекло лѣтъ по смерти Великаго Князя Кіевскаго Владиміра Святославича; только не многіе изъ современниковъ его еще оставались на землѣ, какъ памятники прошедшаго, какъ хроники, рассказывающія о быломъ давно минувшемъ. Но время не истребило въ Кіевлянахъ любви къ Великому; воспоминаніе о красномъ солнышкѣ Владимірѣ Святославичѣ оставалось святыней завѣтною: имъ молодѣли, согбенные подъ бременемъ лѣтъ, старики; имъ восхищались пылкіе юноши.

На уступѣ Андреевской горы сидѣлъ старикъ, дядя Терентьичъ; тусклые глаза его обращены были въ низъ на разныя изображенія, которыя онъ чертилъ своею дубовою палкою на песокъ; морщины, изрытыя на высокому челѣ и изсохшихъ щѣкахъ, во многихъ мѣстахъ были пересѣ-

чены глубокими рубцами; сѣдые его волосы, нѣсколько подстриженные съ переди, по бокамъ и съ зади касались плечъ; по временамъ крупная слеза выкатывалась изъ потухавшихъ очей, и старикъ каждый разъ утиралъ ее рукавомъ бѣлой рубахи, высовывавшимся изъ подъ чернаго обьяриннаго кафтана, подпоясаннаго пестрымъ шелковымъ кушакомъ. Возлѣ него полукружіемъ сидѣли нѣсколько молодыхъ и довольно пожилыхъ людей въ праздничномъ нарядѣ.

«Богъ судилъ мнѣ, дѣтушки,» началъ старикъ «положить вотъ этими грѣшными руками почитай всѣхъ родныхъ и пріятелей въ непробудную постель — мать сыру землю. Скоро и мнѣ туда же дорога. Слушайте, дѣтки, рѣчи старика: уму - разуму васъ учить, на зло не наставляетъ; состарѣетесь и сѣми, будете сами учить дѣтей и внучать; рассказывайте все имъ въ жизни на пользу, души назиданье; учите знать да бояться Бога, любить да уважать Князя; коли нужно, животъ положить за отчизну святую, за матушку Русь; а я расскажу вамъ, какъ Богъ посѣщалъ насъ бѣдами, да онъ же и помиловаль — Отецъ нашъ небесный.

«Свѣтло возшло солнышко на другой день погребенія Великаго; но тяжкая скорбь лежала на сердцахъ. Площадь предъ Великокняжескимъ дворцомъ наполнялась народомъ; но тихъ былъ говоръ его. Съ поникшими головами безмолвно бродили Кіевляне въ ожиданіи появленія новаго Князя.

«Былъ я еще парнемъ невзрачнымъ, какъ отнял у насъ Владыка небесный Владиміра — солнышко наше; но помню, какъ теперь, тутъ сидѣлъ дѣдушка

Миничъ; въ кругъ него парни сидѣли, и такую веди съ ними рѣчь :

Онъ. Сокрылось наше красное солнышко, нашъ Государь Батюшка, нашъ отецъ кормилецъ Владиміръ Святославичъ; зная прогнѣвался на насъ Господь милосердый, раздражили мы Владыку небеснаго — окаянные; заслужили по своимъ грѣхамъ бѣду не минучую; тяжело на душѣ, родные; горько въ очахъ не доплаканныхъ, много вылилося изъ нихъ слезъ; еслибъ вытекли они до конца, не довелось бы мнѣ плакать надъ гробомъ нашего отца роднаго, краснаго солнышка, свѣтлаго мѣсяца, нашего сокола яснаго, орла поднебеснаго. Пришлось отдать Богу душу съ кручиною. Тяжкая приспѣла година, не быть благостынѣ въ Кіевѣ; найдуть на Св. Русь черные годы; долго не видать ей красныхъ дней.

— « Не кручинься, дѣдушка, » говорилъ молодой дѣтина, Андрей Безкручинный — « и для Великаго Князя Господь назначаетъ вѣкъ; не прикушитъ же ему было чужей жизни, не изжить чужаго вѣка.

— « Не разумно ты баишь, Андрюха, » отвѣчалъ ему дѣдушка Миничъ, кивнувъ головою» не тебѣ учить меня, али поперечить мнѣ старику; не о томъ веду я слово, чтобы прикупать чужаго вѣку; и безъ того еще могло бы свѣтить святой Руси наше красное солнышко, не была еще пора слабѣть силамъ богатырскимъ, рано было тускнеть очамъ его яснымъ. Видимо прогнѣвался Господь на насъ, отвратилася милость Его за грѣхи наши и беззаконія. Пришла послѣдняя година, какъ читалъ въ церкви батяка, поць Иванъ. Восталъ на отца — сынъ; Ярославъ не сталъ платить дани своему Государю Батюшкѣ,

по наущенію сатанинскому, по навожденію вражьему. Горькая то была вѣсточка для его сердца отцовскаго; правду молвить, не порадовался врагъ междоусобию, не причинилъ намъ грѣховъ смертныхъ; но закатилось отъ насъ наше солнышко. Кому владѣть теперь землею Русскою, кто дастъ судъ и управу, накажетъ крамолу и буйство, кто поведетъ дружины противъ враговъ грозныхъ?

— «Вѣстимо кто, дядя, — отозвался дюжій паренъ съ русою, окладистой бородою, (теперь онъ клюки не выпускаетъ изъ рукъ) Козма Рукопашный — сегодня объявятъ Княземъ Святополка Владиміровича. Видишь, какъ суетится дружина на площади, ставятъ столы и лавки, выносятъ шубы и шапки соболѣвья, кумачъ и ширинки узорчатья, шелкъ и бархатъ разноцвѣтные. Онъ милуетъ насъ, ему и сидѣть на отчемъ столѣ (*), ему и владѣть нами, и судить землѣ Русской.

— «Не судить ему, Парфеньтичъ, — сказалъ дѣдушка Миничъ — какъ судилъ нашъ батюшка Владиміръ Святославичъ. Быть страшному погрому на землѣ Русской. Наши грѣхи возопили на небо; не умѣли мы жить по заповѣдямъ Господнимъ. Бывало, какъ ударять въ колоколь ко всеночной, али къ обѣдни, народъ спѣшитъ во храмъ Божій, что пчелки въ улей; бывало чуть опоздаешь, такъ и молишь за дверьми, народу биткомъ набито; а теперь, что пришло за время? въ церкви стоятъ почитай только старики, парня увидишь гдѣ-не-гдѣ, а ребятшекъ матери не многія носятъ къ благодати Божіей. Намедни Тимошка Нефедьевъ — лѣтъ двадцать тому назадъ отправился онъ за море, искать счастья, да назадъ

(*) Престоль въ лѣтописяхъ называется *столомъ*.

не вернулся — какъ бишь я сказалъ? да, намедни, говорилъ дѣдушка Миничъ, Тимошка Нефедьевъ молится не молится, спать не спать; нѣтъ, чтобъ не сводить очей съ лика угодниковъ Божіихъ, а поглядываетъ на свою заморскую тросточку. Этакая страсть, срамъ да и только, кабы не во храмъ Божіемъ, тарахнулъ бы его тарахнулъ, коли не выучился у отца роднаго уму разуму.

— «Глянь-ка, дѣдушка» — перебилъ его молодой дѣтина съ русыми кудрями, Алексѣй стрѣла, давно ужъ покойникъ — вонъ - она какую несутъ шубу лисью; эхъ кабы ее тебѣ пожаловалъ Князь!

— «Ахти мечъ кладенець», взговорилъ широкоплечій паренъ съ жилистыми руками, Ростиславъ Рубанистый, мой братъ двоюродный —» вотъ если бѣ онъ попался мнѣ; то - то бы потѣшилась душа надъ врагами земли Русской, злыми бусурманами!

— «Потише, по тише, Ростиславушка,» продолжалъ дѣдушка, — «вишь у тебя разгорѣлися очи на мечъ-кладенець, забилось ретивое; — о томъ ли теперь думать? въ могилѣ нашъ отецъ родной, одолѣла сердце тоска-кручина; увидите, дѣтушки, что не въ радость теперь и шуба лисья, и булатный мечъ-кладенець. Не быть благоденію на землѣ нашей, не видать вамъ радости, мои родимые. Куды милостивъ Святополкъ Владиміровичъ, подумаешь, глядя на эти кучи товаровъ заморскихъ! а все то улецаетъ народъ, чтобъ стояли горой за него, когда возстанутъ на него братья.

— «Ну за чемъ таки, дѣдушка, — взговорили ребята, — воставать братьямъ? али имъ любо проливать кровь

Русскую, засѣвать костыми своихъ дружинъ поля Кіевскія?

— Эхъ, дѣтушки, дѣтушки — продолжалъ Миничъ — не даромъ читается въ церкви: не можетъ древо зло плоды добры творити. Вѣдь, между нами будь сказано, кто такой Святополкъ?

Дѣдушка осмотрѣлся кругомъ: «вы знаете, сору не выносятъ изъ избы. Святославъ, ходивши на Царьградъ, привелъ съ собою молодую Грекиню. Сердечная ужъ какъ она убивалась; бывало, какъ посмотришь на горемычную, когда обливается горючими слезами, такая возьметъ туга, что радъ бы сквозь землю провалиться. Рахдай удалой — вы знаете — былъ мнѣ съ руки; эхъ, что это былъ за человекъ! бывало, какъ надѣнетъ броню ратную, сядетъ на коня воронаго, свиснетъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнетъ богатырскимъ покрикомъ, махнетъ коня по крутымъ бедрамъ, наскочетъ на силу вражію, конемъ вернетъ, копьемъ махнетъ, — трехъ сотъ Печенѣговъ, какъ не бывало (*); сядетъ ли бывало за чару круговую, выпьетъ ли зелена вина, распотѣшится ли на солодкомъ меду, — такъ помежъ пріятелей его, кажись, въ ухо вложишь, вотъ тебѣ душа на ладонькѣ. Онъ то мнѣ и сказалъ, что та Грекиня въ своей землѣ была черницею. Ну вѣстимо, у насъ еще тогда былъ въ чести Перунъ, такъ что Князю было за дѣло до того, что она въ Грецкой землѣ была черницею? Князь возьми, да и отдай ее Ярополку. Правду молвить, куды была хороша! Ужъ подлинно объ ней нужно сказать: на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣ-

(*) Русск. Лѣт. по Никонов. списку стр. III.

сяць и въ теремъ мѣсяць, на небѣ звѣзды и въ теремъ звѣзды и вся красота поднебесная: брови—что твой тучи черныя, очи—что небо ясное; рѣсницы словно длинное крыльышко ласточки; шел—что пухъ лебяжій. Вотъ и сдѣлалась Грецкая черница женою. Хоть она была и Княжескаго сына женою, да все таки не чисто дѣло. Ужь коли она обрѣкла себя Господу Богу Жениху небесному, такъ не касайся ея ни одинъ смертный. Ну да не наше дѣло объ этомъ судить рядить» — примолвилъ старикъ.

«Когда Варяги убили Ярополка въ хоромахъ Владиміра, такъ онъ и взялъ ее къ себѣ; — тогда еще мы не знали Бога Христіанскаго, такъ жилось иначе,—отъ этой то Грекини родился Святополкъ (*).

— «Съ нами сила крестная!» набожно произнесъ тутъ Митька-Дейнека — заступница Матерь Божія, избави насъ отъ такихъ грѣховъ!

— «Такъ гдѣ жъ быть, дѣтушки, добру? — продолжалъ Миничъ, — хоть поздно, а покараетъ насъ Господь Святополкомъ. Теперь онъ, что воронъ злобѣщій, словно чутьемъ почуялъ кончину отца нашего, такъ и прилетѣлъ — близкій свѣтъ — изъ Турова въ Кіевъ.

«Я знаю, я былъ тамъ...

— «Какъ тебѣ, дѣдушка, не быть! — подхватилъ братъ Ростиславъ.

— «И я былъ въ Туровѣ» — сказалъ Козма Рукопашный. — Богъ съ нимъ, онъ съ молоду былъ на языкъ не воздержень.

— «Ну, не хвались, Парфентичъ, — перебилъ дѣдуш-

(*) Летописецъ 6560 до 7106. года стр. 24.

ка Миничъ, — примѣрно будучи сказать, ты хоть и былъ въ Туровѣ, да не бывалъ тамъ, гдѣ я; ради чего и непригоже тебѣ перебивать меня. На чемъ бишь я остановился? да, я былъ въ Туровѣ — какая подумаешь даль! такъ нѣтъ, вспомнилъ Припеть и Днѣпръ, и прилетѣлъ въ Кіевъ, что дюжь; тутъ его и доставало.

— «Да что мы беремъ на душу грѣхъ? изъ за чего принимаемъ его Княземъ, не ужъ то онъ думаетъ купить насъ шубами, да шапками?»

— «Оно такъ, Ростиславушка, — молвилъ старикъ, — да вишь ты, теперь поперечить нечего, когда не за кого взяться. Вотъ еслибъ былъ въ Кіевѣ князь Борисъ, звѣзда наша, такъ не княжить бы надъ нами Святополку. Посмотришь на Бориса, душа не нарадуется: добрый, тихій, правдивый и дѣло ратное знаетъ. Окаянные эти Печенѣги! кабы не они, такъ бы мы погребли Владиміра, да къ Борису всѣмъ міромъ съ поклономъ: Батюшка нашъ, Князь Борисъ Владиміровичъ, володѣй нами, княжи въ Кіевѣ, будь намъ на мѣсто твоего Батюшки Владиміра Святославича! А теперь, какъ нѣтъ его, подумаешь - подумаешь, что дѣлать, нужно признать Княземъ того, кто выѣдетъ съ дружиной.

— «И въ прямъ ужъ онъ выѣзжаетъ съ дружиной» молвилъ, поднимаясь, Парфентичъ.

— «Гдѣ, гдѣ?» закричало нѣсколько голосовъ. Кажется и я тутъ не хуже другихъ погорланилъ, и всѣ мы вскочили съ мѣста; видимъ, дружина валитъ за Княземъ, а кони - то кони, словно бѣлоярой пшеницей кормлены, да сытою поены.»

— «Пойдемъ, чтоль,» вопрошалъ Рукопашный.

— « Не радиль бы я вамъ ходить, дѣтушки, — сказалъ дѣдушка намъ, — шапка, что ль понадобилась тебѣ Парфентъичъ? возми пожалуй мою; соболёвой не пожалю; но не принимай даровъ отъ Святополка; куда ты съ ними дѣнешься, какъ придутъ наши съ Княземъ Борисомъ? »

— « Да мнѣ тамъ и не достанется, дѣдушка, — отвѣчалъ съ усмѣшкой Парфентъичъ, — достало бы и тому, кто почище меня. А такъ позвать, нешто. Пойдемъ чтоль, ребята? »

— « Пойдемъ, такъ пойдемъ » говорили мы.

— « Ну если, ужъ вамъ загорѣлось непременно идти на площадь », — сказалъ старикъ, — « то чуръ даровъ отъ Святополка не брать. »

— « А если брать, такъ чуръ не радоваться, » — отвѣчалъ Парфентъичъ. « Ну еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, Князь пожаловалъ даръ кому изъ насъ, не сказать же: не хочу, не возьму; того и гляди, что потянуть по спинѣ. Эхъ ужъ этотъ мнѣ Путша! его тутъ куды нужно; сидѣлъ бы въ своемъ Вышгородѣ, а то еще ломается, чуть не въ ровень сталъ съ Княземъ. »

— « Тутъ Путша? — спрашивалъ дѣдушка, поднимаясь на ноги; « ну, ребята, не быть же добру: онъ наставитъ Князя на все недоброе. Это чловѣкъ — не ночуй душа дома. Ему только бы быть въ чести, чтобъ ему шапки снимали, а то у него чего хочешь, того просишь. »

Мы побѣжали на площадь; видимъ, Святополкъ гордо сидитъ на добромъ аргамакѣ, и приказываетъ раздавать дары; кругомъ дружина, а народъ словно убитый; не то, чтобъ радоваться новому Князю, а чуть не пла-

четь. Вотъ то-то, дѣтушки, старость; кажись не много поболталъ я, а въ груди заложило, мочи не стало. Надо вздохнуть старику, духъ перевести; да вотъ и къ вечерни звонять, пойдемъ же, помолимся Господу Богу, а тамъ вспомняемъ и бывшее, и разсказъ пойдетъ своимъ чередомъ.»

II.

Я доскажу, что пропустилъ старикъ, дядя Терентьичъ, на зарѣ юныхъ дней захватившій время Владиміра, и любившій передавать новому поколѣнію память объ немъ.

Время совершенно преобразило Кіевъ. Нѣкогда Днѣпръ протекалъ у подножія Андреевскихъ горъ, и занималъ большую часть мѣста извѣстнаго подъ именемъ *Оболони*. Дорога къ Вышгороду лежала въ срединѣ дремучаго лѣса, который качался на вершинахъ горъ, идущихъ отъ Щеквицы до монастыря Кириловскаго.

Въ сумерки, по тропинкѣ, четыре всадника пробирались къ городу, и почти на каждомъ шагу робко оглядывались — казалось, ихъ страшилъ топотъ ихъ коней и малѣйшій шорохъ листьевъ.

— «Эхъ проклятая трущоба! — сказалъ одинъ изъ нихъ съ нахмуреннымъ челомъ — скоро ли доберешься до мѣста!

— «А тебѣ бы, Еловичъ, сидя за печкой да пересчитывая свои гривны и куны, быть въ чести у Князя.

— «Болтай себѣ, Талець, на здоровье, — сказалъ съ досадою Еловичъ, — пересчитывая гривны да куны! откуда мнѣ ихъ взять?»

— «На десятый мышокъ?» спросилъ насмѣшливо третій съ одутыми щеками, — «набивай хоть двадцатый. Ляшко знать не хочетъ про такіе пустяки. Порубить, порѣзать, попить, погулять — вотъ наше дѣло молодецкое.

— «Тише, тише, бояре,» отозвался ѣхавшій въпереди Путша, «слышите ли, что то шарахнулось въ лѣсу. Чу!... еще...

— «Ахъ, куда бы укрыться» — робко сказалъ Еловичъ — возьмите, ради Бога, моего коня, а я побѣгу, гдѣнибудь спрячусь.

— «Тише, ради Бога тише,» произнесъ умоляющимъ голосомъ Путша.

— «Ляшко, ради Бога, возьми моего коня,» продолжалъ Еловичъ, дрожа отъ страха.

— «Вотъ славно, возьми его коня, а онъ спрячется за колоду? Что же вызвался итти съ нами? — продолжалъ суровый всадникъ, бояринъ Талець.

— «Да развѣ я зналъ, что тутъ насъ оступятъ вѣдьмы, да лѣшіе?»

— «Ужъ подлинно у страха глаза велики,» — сказалъ краснощекій Ляшко, — глядь ка, бояринъ, въ верхъ, что это надъ нами небо или овчинка? трусь ты, трусь, Еловичъ. Да хоть тутъ будь тысяча лѣшихъ и тысяча вѣдьмъ, я себѣ ѣду, да и въ усъ не дую.

— «Какъ хотите, а я дальше не поѣду.

— «Какъ хочешь, Еловичъ,» рѣшительно сказалъ Путша, обращаясь къ нему, — теперь ужъ не пора ворочаться.

— «Пусть его, Путша, спрячется за колоду» промол-

вилъ Ляшко,—тамъ его скорѣе подцѣпигь лѣшій или русалка.

— «Тѣфу пропасть, векша надѣлала тревоги — сказалъ Путша.

Въ самомъ дѣлѣ векша предъ ними прыгала съ дерева на дерево.

— «Теперь, возвращайся пожалуй, Еловичъ» со смѣхомъ сказали неутомонный Ляшко.

— «Куда возвращайся?» съ гордымъ видомъ отвѣчала Еловичъ, оправившійся отъ испуга при видѣ векши,—«не на таковского, братъ, напалъ. Еловичъ шутить-то шутить, а придется до чего, такъ не побоится и десятка вѣдьмъ и лѣшихъ.

— «И въ прямъ, бояре» сказалъ Ляшко, — «какъ обойдетъ насъ лѣшій, да окружатъ вѣдьмы, такъ Еловича пустимъ въ передъ, онъ насъ всѣхъ оборонитъ. Смотри-ка, смотри, оборотень.

— «Гдѣ, гдѣ? — дрожащимъ голосомъ спрашивалъ Еловичъ.

— «Чего ты, бояринъ, дрожишь?» Да ты сталъ бѣлъ, какъ полотно.

— «Э, да ты, братъ, на седлѣ не усидишь, и ноги въ стремяхъ не держатся» — сказалъ Талець.

Въ самомъ дѣлѣ Еловичъ былъ ни живъ ни мертвъ, и, потерявъ равновѣсіе, упалъ бы съ лошади, еслибъ не подоспѣлъ къ нему Путша. «Что жъ ты бояринъ?» съ досадою спросилъ онъ труса.

— «Вдѣвай ногу по дальше въ стремя, не то выско-
читъ душа изъ пятки,» сказалъ неотвязчивый Ляшко.

— «Ну ужъ послалъ Богъ за грѣхи товарища!» —
сказалъ Талець, — да Боже сохрани, еслибъ такъ кто
отличился подь моимъ стягомъ...

— «Вотъ тутъ,» перебилъ его Путша, — «привяжите
коней и ждите меня.

— «Ждать не мудрено, да какъ-то отдѣлаться отъ ру-
салоку; того и смотри, что которая изъ за куста подцѣ-
пить Еловича» — примолвилъ Ляшко.

— «Тебѣ хорошо толковать» началъ Еловичъ — «Ты
ѣдешь въ середкѣ, съ переди Путша, а съ зади Ляшко, такъ
тебѣ ничего. А я глядь назадъ, анъ за мною вѣдьма въ
присядку, а хвостиче, хвостиче, какъ помѣло...

— «Ахъ, Батюшки свѣты, страсти какія!...

— «Я какъ погрожу на нее кулакомъ...

— «Ужъ таки и погрозился, довольно, что испугался,—
сказалъ, разсмѣявшись, Талець.

— «Чего пугаться? нѣтъ погрозился, право погро-
зился.

— «Погрозигься не погрозился, а хотѣлъ погрозить-
ся» — продолжалъ Талець.

— «Да говорю жъ вамъ, погрозился кулакомъ...

— «Что вы не вѣрите, бояре?» подхватилъ Ляшко —
«я самъ видѣлъ, какъ Еловичъ стиснулъ кулакъ погрозить-
ся на вѣдму, а она какъ погрозится на него хвостомъ,
какъ щелкнетъ зубами...

— «Да, да,» продолжалъ ободренный Еловичъ — «какъ щелкнетъ зубами.»

— Какъ засверкаетъ очами...

— «Какъ засверкаетъ очами, видитъ Богъ, какъ засверкаетъ...

— «Какъ посыплются изъ очей ея искры...

— «Да, да, вотъ Ляшко не дастъ соврать, какъ посыплются изъ очей ея искры.

— «Какъ махнетъ тебя въ спину хвостомъ...»

— «Да, бояринь, какъ махнетъ меня въ спину хвостомъ.

— «Какъ зашатаешься ты на сѣдлѣ, какъ побѣлѣешь со страху, словно полотно.

— «Вотъ этаго такъ не бывало — отвѣчалъ, обидясь, Еловичъ — я не одну вѣдьму видалъ да не боялся...

— «А! сказалъ Талець съ видомъ простодушія. — Ну Богъ тебѣ даль смѣлость, а я бы отъ вѣдьмы такъ струхнулъ, какъ ты теперь отъ векши.

— «Что? я струхнулъ? да я отъ роду не трусилъ — заключилъ Еловичъ, и пересталъ говорить.

Между тѣмъ Путша приблизился къ концу лѣса, своротилъ съ тропинки, втерся въ кусты, привязалъ коня и развязалъ узелокъ. Въ немъ былъ полный нарядъ нищаго съ полуизорванными лоскутьями и запачканою котомкой.

Перерядившись, Путша вырѣзалъ палку и вышелъ на дорогу, прихрамывая на лѣвую ногу.

Когда подѣльный колька подошелъ къ городу, на

высотъ показался человѣкъ, и, приблизившись къ нему на небольшое разстояніе, кашлянулъ три раза. Колѣка отвѣчалъ троекратнымъ ударомъ въ ладоши, — и кашлявшій исчезъ; а колѣка, споткнувшись, упалъ и почти не шевелился.

Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ поравнялся человѣкъ крѣпко сложенный, высокорослый, широкоплечій, закутанный въ охабень. Троекратный кашель невѣдомаго пробудилъ колѣку; онъ приподнялся, обвелъ вокругъ себя очами, и всталъ. Невѣдомый ускорялъ шаги свои по мѣрѣ того, какъ приближался къ лѣсу. Колѣка, не смотря на хрому ногу свою, не отставалъ отъ него. Наконецъ они вошли въ лѣсъ, и нищій почти до земли поклонился. «Здравія и благоденствія, Князь Святополкъ Владиміровичъ!» сказалъ онъ: »Путша готовъ положить за тебя свою голову.«

— «Спасибо, довѣренный бояринъ, вѣрный слуга. Что?»

— Слажено. Я привелъ трехъ. Они здѣсь.

— «А кто они?»

— Талець, Еловичъ и Ляшко.

— «И народъ надежный?»

— Можно положиться, Князь. Тальцу кровь не новина, Ляшко также отрѣжетъ голову, какъ осушить ендыу съ брагой. Еловичъ скряга и трусь.

— «За чѣмъ же позвалъ его?» сурово спросилъ Святополкъ.

— «Нельзя было не позвать. Онъ встрѣтилъ меня переодѣтаго; догадавшись, что дѣло идетъ объ услугъ твоей

милости, не отступно просилъ дать ему случай выбратъся изъ опалы.

— «А за что онъ подъ опалой?»

— «Сказываютъ, что онъ не чистъ на руку, водился съ Печенѣгами, пересылался съ ними; такъ твой батюшка — вѣчный ему покой, Царство небесное, яко же речено: память праведнаго съ похвалами — хотѣлъ его»

— «Ну прахъ его возьми, только бы онъ не выболталъ.

— Что ты, Князь, развѣ ему надоѣла голова на плечахъ?

Путша привелъ Святополка къ своимъ товарищамъ.

— «Здравствуйте, бояре вѣрные!» привѣтствовалъ Святополкъ.

— «Бьемъ твоей Княженицкой милости челомъ о сыру землю,» отвѣчала Талець, и всѣ четыре низко поклонились.

— «Не дивитесь, бояре, — началъ Святополкъ, — что я, законный Великий Князь Кіевскій, вижуся съ вами тутъ и въ такую пору.

— «Твоя воля видѣть насъ, гдѣ повелишь,» сказалъ Талець съ низкимъ поклономъ.

— «Счастіе моего народа мнѣ дорого, объ немъ я забочусь болѣе моей жизни . . .»

— «Ты наша надѣжа» подхватилъ Путша.

— «Много мнѣ надо сдѣлать для вашего добра. Богъ видитъ мое сердце, народъ почувствуетъ мои благодѣянія,

когда станеть блаженствовать среди счастья и изобилія; но хочу напередъ знать, пріяете ли меня всѣмъ сердцемъ?

— «Можемъ головы свои положить за тебя,» отвѣчали всѣ вмѣстѣ, и поклонились почти до самой земли.

— «Поклянитесь, что все сдѣлаете что ни повелю вамъ, и ни кому не скажете.

ПУТША.

— «Пусть я счерню, какъ земля, пусть не будетъ мнѣ добра ни въ сей вѣкъ ни въ будущій, если не готовъ положить голову за Князя Святополка Владиміровича.

Такъ клялись и другіе.

— «Благодарствую вамъ, мои вѣрные бояре, мои дру- ги,» сказалъ Святополкъ. «Теперь слушайте: мой братъ Борисъ, узнавши о смерти отца, не пошелъ въ Кіевъ, но остановился на Альтѣ. Вѣрно подговариваетъ свою дру- жину востать противъ меня — законнаго своего Князя. Теперь съ нимъ восемь тысячъ ратныхъ людей. Если под- ступятъ къ Кіеву, кого мы выставимъ противъ нихъ? налетите орломъ, подползите змією — и, кажется, у васъ есть копыя? понимаете?»

— «Какъ не понять, Князь, твоихъ милостивыхъ настав- леній?» сказалъ Талець.

— «Разумѣемъ твои отеческія наказанія,» подхватилъ Ляшко.

— «Твоя Княженецкая милость не забудетъ своихъ вѣр- ныхъ слугъ» — прошипѣлъ Еловичъ.

— «Князь не удалитъ отъ ясныхъ очей своихъ чловѣка готоваго за него умереть,» съ земнымъ поклономъ сказала Путьша.

— «Люблю миловать того, кто служитъ мнѣ правдой и вѣрой,» отвѣчалъ Святополкъ,» чего хочешь, Путьша?

— «Хочу служить тебѣ, какъ родному отцу, сберегать тебя, яко зѣницу ока, смотрѣть за тобою днемъ, отрекаясь отъ сна ночью...

— «И будетъ по твоему желанію. Чего просишь, Талець?»

— «Дрожу за тебя, Князь:— Александръ Поповичъ и Янь Усмошвецъ не забудутъ ласкъ Бориса; измѣнники будутъ окружать твой Великокняжескій престолъ, будутъ скрывать правду.....

— «Талець будетъ начальникомъ мечниковъ, на равнѣ съ Волчьимъ хвостомъ. Какую милость хочешь, Бояринъ Еловичъ?»

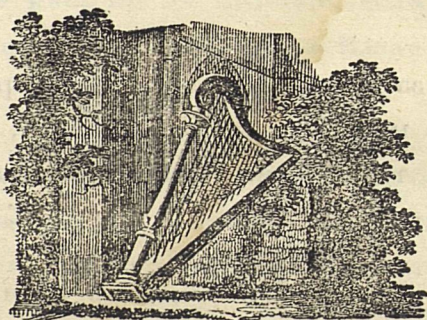
— Бѣдность одолѣла, Князь. У меня хоромы хуже смерда.

— «Для вѣрнаго боярина будетъ новый теремъ въ Вышгородѣ; въ моей казнѣ есть шелкъ и бархатъ, есть лисьи шубы и шапки соболѣвья. Проси чего хочешь, Ляшко!»

— «Прошу тебя, законный нашъ Князь, радѣть о своей казнѣ. Вышата завѣдываетъ Великокняжескими подвалами, какъ своимъ добромъ.....

— «Ляшко будетъ нашимъ ключникомъ. Радѣйте только о моемъ добрѣ, и все будетъ по желанію вашему.

— «Отецъ, не Князь!» воскликнули четыре предателя, и упали къ ногамъ Святополка.

III.

На берегу Альты, не далеко отъ того мѣста, гдѣ она сливается съ Трубежемъ, раскинутъ станъ восьми - тысячнаго ополченія Кіевлянъ, возвращавшихся съ преслѣдованія Печенѣговъ.

Въ предразсвѣтномъ туманѣ погребены шатры; утренній вѣтерокъ навѣваетъ сладкіе сны утомленнымъ воинамъ. Гдѣ - гдѣ раздастся ржаніе коней; гдѣ - гдѣ теплится огонѣкъ.

Мирно спитъ среди и послѣ браннаго шума воинъ, пренебрегающій жизнью, готовый на смерть. Часто прерывается сонъ вождя; ежевою подушкой мучитъ его голову дума.

— «Спишь ли, Янъ?» спросилъ воевода у своего товарища, лежавшаго рядомъ съ нимъ въ шатрѣ.

— «Не до сна мнѣ, Александръ. Мурашки ходятъ по сердцу; кровь стынетъ въ жилахъ. Опомниться не могу отъ вчерашней вѣсти. Ты знаешь, боялся ли я смерти, жалѣлъ ли своей головы въ кровавой свалкѣ. Но слезы залили очи, сердце потонуло въ кипучей крови, когда сказали, что скончался нашъ отецъ родной.

— «Да будетъ, Янъ, воля Божія. Грѣхъ роптать на

Небо. Мы были взысканы милостию Владиміра; служили ему вѣрой и правдой, не жалѣли своихъ головъ; первые бросались на враговъ, послѣдніе выходили съ бою. Теперь чередѣ служить его сыну. Плачемъ не вызовемъ мертваго изъ могилы; но почтимъ его память, заплатимъ сыну за милости отца, станемъ у его стола, поклянемся положить за него свой животъ. Проклятіе неба и людей тому, кто будетъ кривить душею. Добрь и разумень Князь; но юность нуждается въ подпорѣ: кому же какъ не намъ служить ему?

— «Никогда не забуду, какъ Борисъ залился слезами, когда услышалъ роковую вѣсть.

— «Я знаю, что добрый Борисъ не захочетъ Княжескаго стола, на которомъ уже съѣлъ Святополкъ; ни одной капли крови не захочетъ пролить за Княжество...

— «Но развѣ ты думаешь, что Кіевляне предпочтутъ Святополка Борису?

— «Кому любъ этотъ гордый сынъ Ярополка, усыновленный добротою Владиміра? но онъ уже княжить въ Кіевѣ. *Столь* Бориса утвердится развѣ надъ могилою Святополка.

— «Но Кіевляне отворятъ намъ ворота безъ бою, ударятъ челомъ любимому сыну Владиміра; онъ не захочетъ смерти брата.....

— «Но змѣя будетъ жалить пока жива. Какъ злый воронъ, онъ назоветъ на насъ бѣду; уйдетъ къ Ляхамъ, подниметъ своего тестя Болеслава, какъ коршуны налетятъ на нашу родину; какъ голодные волки, будутъ рыскать по святой Руси; огонь и мечъ пролетятъ по нашей землѣ,

и думаешь ли, что эти бусурмане пощадят невинность нашихъ женъ и сестеръ, думаешь ли что побоятся гнѣва Божія...

— «Не въ укоръ тебѣ, не въ похвальбу себѣ скажу, я не хуже твоего знаю Ляховскую спѣсь; но намъ ли бояться враговъ? Не разъ и не два указывали мы незванымъ гостямъ дорогу изъ Руси, на всѣ четыре стороны, концемъ остраго копья; ихнюю кровію охмѣляли ихъ, стлали имъ непробудную постель на поляхъ бранныхъ. Не въ первые намъ встрѣчать вражью рать, не въ новину рубиться съ недругомъ. А если Господу Богу и святой Его волѣ угодно наказать насъ за наши грѣхи, то бѣды конемъ не объѣдешь, не укроешься въ лѣсахъ Муромскихъ али Древянскихъ, не уцѣлѣешь на краю свѣта.

— «Такъ - чему быть, тому не миновать. Сегодня же умолимъ Бориса идти къ Кіеву, и да будетъ воля Божія!..

— «Но если добрый Князь не захочетъ вести рать къ Кіеву, начинать свое княженіе обнаженіемъ меча на вѣрныхъ подданныхъ своего отца; что тогда дѣлать намъ и нашей рати?

— «Мы умолимъ....

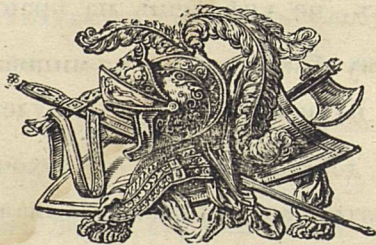
— «Умолимъ! но развѣ ты не знаешь Бориса? Не знаешь незлобивой души его. Ужъ подлинно трости сокрушенной не преломить, и льна курящагося не угасить.

— «Станемъ предъ нимъ на колѣни, разцѣлуемъ его ноги, именовъ Кіевлянъ, именовъ Святой Руси закланемъ его идти на отчій *столь*; не для своей чести, а для нашего блага онъ согласится на наше моленіе — и народъ преклонится, народъ падетъ предъ нимъ, и благо-

дать Господня освѣнить Княжество Кіевское, слезы перестануть литься о Владимірѣ. Его замѣнить сынъ любимый, благословляемый.

— «Господь да внемлетъ мольбамъ нашимъ, да настроить сердце Бориса на благо подданнымъ! Но ежели

— «Если онъ отступится отъ насъ, тогда приложимъ ума - разума. Но пока, не надо отчаяваться въ милости Господней. Отчаяніе, воевода, смертный грѣхъ.

IV.

Съ восходомъ солнца встрепенулся лагерь; но не слышно въ немъ обычной разгульной веселости Русскихъ воиновъ; уныло кладутъ на себѣ знаменіе креста, полуслезныя возводятъ очи на небо.

Старшины и воеводы ведутъ между собою бесѣду; нѣсколько изъ нихъ отправляются къ шатру Князя.

Съ мутнымъ взоромъ стоитъ у входа прекрасный, величавый юноша. «Добро пожаловать,» сказалъ онъ приближившимся воеводамъ.

— «Что, Георгій, какво Князю?» — спросилъ молодой воевода, отличавшійся величественнымъ ростомъ и быстрымъ взглядомъ.

— «Худо—отвѣчалъ юноша, покачивая головою—всю ночь очей не смежалъ, плачетъ да молится.»

— «Да утѣшить его Господь!....»

— «Да осѣнитъ его сила небесная!....»

— «А не велѣлъ ли позвать насъ?»

— «Два раза уже спрашивалъ.»

Въ слѣдъ за юношею вошли воеводы и поклонились

Князю. Въ очахъ еще видѣлась слеза, но тихъ и спокоенъ былъ видъ его.

«Отъ всей рати пришли мы ударить челомъ тебѣ, Князь Борисъ Владиміровичъ» — началъ Александръ Поповичъ, — «весь Кіевъ въ слезахъ, всѣ ждуть тебя, . . . иди на *столъ* отчій, и утѣшь насъ въ тяжкомъ горѣ. . . .»

— «Чего хотите вы, добрые воеводы? На Кіевскомъ *столѣ* мой старшій братъ Святополкъ. Онъ будетъ мнѣ отъ нынѣ вмѣсто отца; ему буду служить, о его пользѣ радѣть, какъ служилъ я отцу моему.» Слезы полилися изъ очей Бориса.

— «Не его хотимъ; тебѣ бьемъ челомъ отъ всего Кіева»

— «Мой святый отецъ не завѣщалъ мнѣ *стола* Великокняжескаго.

— «Онъ отдалъ насъ тебѣ, не Святополку; въ твоихъ рукахъ власть всей рати, на тебя надежда святой Руси и Божіе благословеніе. . . .»

— «Богъ благословилъ уже Святополка; онъ возсѣлъ на мѣстѣ отца; теперь я только слуга его; не просите у меня того, чего я не долженъ дѣлать, за что не посмѣю дать отвѣтъ Богу»»

«Князь!» заговорили разомъ нѣсколько воеводъ, «всѣ требуютъ тебя; мы всѣ готовы животь свой за тебя положить; Богомъ и отцемъ твоимъ мы преданы въ твои руки. Всѣ мы вооружены; пойдемъ съ тобой или одни, выгонимъ Святополка изъ города, а тебя введемъ, какъ отецъ твой вдаль тебя намъ.»

Тяжкіе вздохи волновали Бориса, горячія слезы лилися изъ очей его.

— «Не говорите такъ,» началъ онъ «не прогнѣвляйте господина и брата моего Святополка; и ежели вы хотите поднять на себя крамолу, то лучше мнѣ умереть, нежели для себя погубить многихъ. И какая польза, ежели я вступлю въ домъ отца моего? и не только вы, но и весь народъ не измѣнитъ мое помышленіе о державѣ суетнаго міра сего, который скоро переходитъ и хуже паутины? куда пойду по отшествіи изъ сего скорбнаго міра? какой дамъ отвѣтъ? гдѣ сокрою множество золь, которыя будутъ свидѣтельствовать противъ меня на судѣ Божіемъ? и что пріобрѣли братья отца моего и самъ отецъ мой святой? Гдѣ нынѣ ихъ жизнь, царская держава, слава и красота міра сего, багряница брачная, золото и серебро, вины и меды, и многоцѣнные яствы, быстрые кони и великолѣпныя палаты, и безчисленное богатство? Все минуло съ ними; нѣтъ имъ пользы ни отъ избытковъ, ни отъ славы міра сего (*).

— «На кого хочешь покинуть насъ, милый Князь!» молвилъ, всхлипывая, Янъ Усмошвецъ — «зачѣмъ оставляешь Кіевъ, лелѣявшій твое дѣтство, презираешь нашу къ тебѣ приверженность, умножаешь наше тяжкое горе?

— На милость Божію оставляю васъ, добрые воеводы! любите Святополка, какъ любили нашего отца, любите и Бориса, не забывайте его въ своихъ молитвахъ.

— «На колѣняхъ молимъ тебя, Ангель нашъ, не ос-

(*) Степен. Книга.—

тавь насъ сиротами» — сказали разомъ воеводы и упали всѣ на колѣни.

Со слезами палъ на колѣни и Борисъ.

«Молю васъ, друзья мои, — говорилъ онъ — не поднимайте смуть, не накликайте на Русь черныхъ дней, не берите на себя грѣха крамолы. Неповинными отдалъ васъ мнѣ отецъ мой, возвратитесь неповинными въ Кіевъ, и оставьте Бориса волѣ Божіей.

Всеобщее рыданіе было отвѣтомъ.

— Богъ вложилъ въ мое сердце помышленіе; не заглушайте во мнѣ святаго голоса, не отнимайте у меня неба...

«Милый Князь, ты покидаешь насъ круглыми сиротами, отнимаешь у насъ отца.....

— Я отнимаю васъ отъ грѣха смертнаго, завѣщаю вамъ покорность Князю, братскую любовь между собою, и молю Бога о вашемъ спасеніи.

— «Да услышитъ Господь твои мольбы, святая душа!» сказалъ престарѣлый воевода, отирая крупныя слезы.

— Прощайте, милые друзья мои, мои доблестные подвижники! цѣлую васъ братскимъ цѣлованіемъ; отнесите мой привѣтъ Кіеву, помолитесь обо мнѣ во Святыхъ храмахъ, а я буду здѣсь ожидать воли моего господина и Князя.»

Борисъ всталъ и приблизился къ воеводамъ; они, рыдая, простерлись ницъ на землю.

— О братіе, вы не хотите моего сердечнаго цѣлованія!.....

«Хотимъ, не - наглядный Князь, цѣловать твои ноги, слѣды твоихъ ногъ.»

Борись со слезами поднималъ съ земли каждаго воеводу, и заключалъ въ свои объятія. Это было разительное зрѣлище, гдѣ слезы и рыданія замѣняли языкъ.

Когда очередь дошла до сѣдовласаго воеводы, онъ повисъ на шеѣ Бориса, и плакалъ навзрыдь.

— «Прости, добрый Алексѣй» сказалъ плачущій Борисъ «если не здѣсь, то въ другомъ мѣрѣ мы скоро съ тобою свидимся.»

— «Свидимся, Князь, свидимся,» прорыдалъ старикъ; «послѣ тебя для меня ничего не останется на земли. Давно пали въ кровавыхъ бояхъ, или поглощены могилою товарищи моей юности; я слышалъ твой первый плачь, носилъ тебя на рукахъ своихъ, лелѣялъ милое дитя, и теперь, когда гляжу на тебя, мнѣ кажется, что по Руси проходятъ старые годы, со мною прежніе люди, на небѣ то солнце, которое грѣло нашу молодость, при которомъ мы бились на поляхъ Грецкихъ, Болгарскихъ и Половецкихъ. Теперь не буду видѣть и тебя. Охъ, запоздались на землѣ старыя кости,.....»

Ослабѣвшія руки рыдавшаго старца опустились съ плечъ Бориса; но онъ наклонился къ плачущему Князю, и разцѣловалъ его въ лобъ и очи.

Безмолвно рыдалъ Борись, безмолвно рыдали предъ нимъ воеводы.

v.

Страшно потерять все, что привязываетъ человѣка къ жизни. Не земнымъ жильцемъ смотритъ онъ на всё, его окружающее. Это могильный камень, остатки человѣка, памятникъ минувшаго, который безчувственно стоитъ въ настоящемъ; предъ нимъ проходитъ толпа людей, громадой несутся событія, но онъ потерялъ для нихъ чувство. Радости жизни неприманчивѣе для него смертной минуты. Струны души сорваны могучимъ полетомъ времени; только тоска о минувшемъ, только безотвѣтное желаніе покоя могилы, уныло ударяютъ въ нее, и извлекаютъ печальный, но торжественный гулъ, понятный душѣ въ завѣтныя минуты не земнаго раздумья.

«Чего еще ждать намъ?» взывалъ сѣдовласый воевода къ Кіевскому ополченію, оставившему Бориса его судьбѣ и волю Божіей;» куда и за чемъ итти?

— Куда, какъ не въ Кіевъ? отвѣчали ему воеводы.

— «Въ Кіевъ, въ Кіевъ! — повторилъ старецъ. — Что теперь въ Кіевѣ? отрадно ли будетъ сердцу видѣть Свято-

полка вмѣсто Владиміра? И кто знаетъ, что еще увидимъ мы? Нѣтъ, товарищи, ваше все въпереди, а мнѣ уже не для чего маяться промежъ людей, пора снаряжаться старику въ дальній путь-дорогу. Пожилъ въ доволь въ суетѣ, пора подумать и о смерти.

Онъ поворотилъ коня, выѣхалъ изъ середины дружины, и сошелъ на землю.

— Что ты, воевода? вопрошали его товарищи.

— Ничего, други мои, но я уже вамъ не товарищъ.

Мгновенно отдѣлился отъ ополченія юноша, и приблизился къ старцу.

— Приди, внукъ, принять мое послѣднее благословеніе.

Юноша зарыдалъ, и палъ къ нему на грудь.

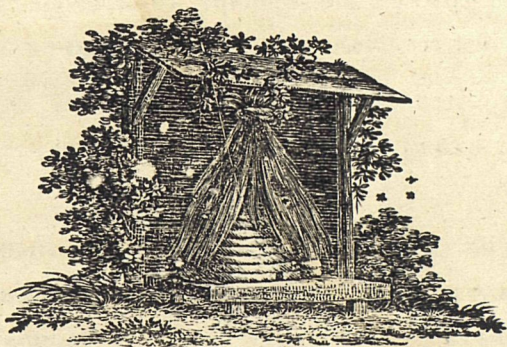
Старикъ цѣловалъ внука, и обливалъ его слезами.

— «Прими, Юрій, мое благословеніе, говорилъ онъ, — мнѣ давно пора исполнить давній обѣтъ. Въ обители святыхъ иноковъ невѣдомый старецъ будетъ молить о тебѣ Господа. Служи Князю и родной землѣ; помни заповѣди Господни и молися на могилѣ матери. Тебѣ мой добрый конь, булатный мечъ и вѣрное копье, мои неизмѣнные товарищи въ бояхъ. Рази враговъ, бейся за родину не на животъ, на смерть. Коли Богъ пощадитъ дни твои, — тебѣ не будетъ упрека отъ добрыхъ людей; коли положишь животъ свей, — вѣнецъ мученическій, павшимъ на брани!»

Печально было прощаніе старца съ ратными товари-

щами; не притворныя слезы лилися изъ очей; сильно бились сердца въ тревогъ чувствъ.

Рать потянулась къ Кіеву; сѣдовласый воевода скрылся въ лѣсу, чтобъ не оставить по себѣ слѣдовъ.

VI.

Вечерня отошла въ Десятинной церкви. Изъ толпы народа дядя Терентьичъ пробирался къ Андреевской горѣ, за нимъ кучка прежнихъ его слушателей.

Сѣлъ дядя Терентьичъ на прежнее мѣсто, усѣлись вокругъ его племянники и внуки тихо, и никто не молвилъ словечка.

Снялъ шапку дядя Терентьичъ, и положилъ на себя крестное знаменіе. «Помолились мы, — началъ онъ, — дѣтушки, Господу Богу, и теперь съ его помощію вспомнемъ про былъ былую, про времена давно прошедшія.

«Кончилъ я тѣмъ, что Святополкъ обдарилъ Кіевлянъ. Кто былъ глупъ, тотъ радовался; кто понималъ дѣло, тому пала на сердце кручина.

«Томила Святополка любовь народа къ Борису, напустилъ сатана ненависть въ его душу. Чудень сталъ свѣтъ, умножились на землѣ беззаконія. Вызывай людей на дѣла добрыя, охотниковъ со свѣчею днемъ не найдешь; а задумай ересь и зло отъ явленное, да кивни на міръ шапкой,—какъ черные вороны тотчасъ сберутся грѣховодники. Задумалъ Святополкъ черную, безбожную думу—какъ бы извести Бориса;—и мигомъ явились къ нему четыре

нечестивца: Путша, Талець, Еловичь и Ляшко. Чужло сердце Бориса невзгону, пошелъ онъ къ Кіеву и остановился на Альтѣ, гдѣ получилъ вѣсть о смерти родителя. Плакало и молило его войско итти княжить въ Кіевъ; нездобивый Борисъ не хотѣлъ проливать кровь своей дружины; онъ зналъ, что уже княжилъ тутъ Святополкъ, и ждалъ отъ него вѣсти, а войско пошло своимъ путемъ дорогою въ Кіевъ.

«Послалъ Борисъ къ Святополку отрока, и, не дождав- шись его возврата, отправился самъ въ Кіевъ; но клеветы Святополка уже несли ему смерть.

«Будто чуялъ праведный Борисъ близкую кончину, остановился и сталъ готовиться предстать предъ престолъ Вышняго. Не о землѣ уже думалъ онъ—всѣ царства земныя не имѣли для него цѣны; въ святой молитвѣ изливалъ сердце свое Богу, святыми слезами кропилъ родную землю.

«Кто знаетъ, что срѣтитъ насъ за гробомъ? Кто неужаснется, когда подумаетъ, что могила раздѣляетъ насъ со всѣмъ, что было къ намъ близко, что за нею начинается другая жизнь, для насъ теперь невѣдомая, въ которую не прозираютъ смертныя очи! а праведники Божіи не знаютъ страха смерти: живутъ ли — Господеви живутъ, умираютъ ли — Господеви умираютъ; для насъ грѣшныхъ за могилою все невѣдомо, для праведныхъ —тамъ все родное, и въ тму смертную прозираетъ ихъ святое око.

«Отроки увидѣли убійць, видѣли ихъ смертное оружіе, слышали ихъ сговоръ, и донесли Князю. Святый не

почуялъ въ сердцѣ тревоги; только торжественный сталь его взоръ, только вдохновенный стала его молитва.

«Уже злодѣи приблизились къ шатру, и дивомъ опустились у нихъ руки съ смертнымъ оружіемъ; они ждали, чтобъ смолкли молящіяся уста; тогда нечестивцы смѣлѣе свершили бѣ злодѣйство. Но духъ тмы поселился въ душахъ ихъ, и, какъ левъ пустынный, алкалъ добычи.

«Злодѣи вломились въ шатёръ; князь не прерывалъ молитвы; смертныя копья убійцы устремили на князя; вѣрный отрокъ Георгій своею грудью загородилъ отъ убійцъ любимаго князя; богоотступники не устыдились его вѣрности, и Георгій палъ пронзенный. Убійственныя копья поразили и незлобиваго князя. Ни взоромъ не укривилъ Борисъ своихъ убійцъ, только молился, — и Отецъ небесный слышалъ его мольбы; Борисъ плакалъ, — и Ангелы Божіи собирали его слезы, какъ бисеръ многоцѣнный.

«Палъ князь обгаренный кровію, у ногъ его была голова Георгіева. Всѣ прислужники князя плавали въ кругъ его въ крови; а гонецъ спѣшилъ къ Святополку съ вожделенною для него вѣстію.

«Злополучный Князь еще дышалъ; — изъ шатра изорваннаго сдѣлали покрывало сыну Великаго Владиміра, положили его *на кола* (*), и повезли къ Вышгороду.

Страшно подумать, дѣтушки, что Святый томился смертію, а вокругъ него радостно шли его убійцы съ

(*) На тельгу.

копьями, еще дымившимися Святою кровію. И еще не въ конецъ совершилась злоба Святополка: отъ него летѣли два Варяга удостовѣриться, точно ли погибъ Борисъ. Изъ запекшихся устъ его прорывался предсмертнѣй стоишь, и нечестивая рука Варяга пробила ножемъ незлобивое сердце.

«Скончался Борисъ, но не скончалась тревога Святополка, и другой братъ—Глѣбъ отдалъ Богу душу подь ножемъ убійцы.

«То было давно, и рассказываешь, какъ дѣло обычное; а сердце замерло бы, если бъ сами своими очами посмотрѣли на юнаго князя, добраго, всѣми любимаго, утратившаго жизнь среди мукъ, и не на княжескомъ столѣ почивающаго, не багряницею повитаго, а на презрѣнной телѣгѣ прикрытаго рубищемъ шатра; Князя, изнывающаго смертною жаждой, изъязвленнаго копьями, молящагося о скорѣйшей кончинѣ, да прекратятся страданія; а вокругъ него злодѣи, совершившіе кровавое дѣло, какъ бы нѣкое торжество. Къ кому обратитъ слово умирающій, на комъ остановить потухающій взоръ? Ни одного близкаго къ сердцу, ни въ одномъ взорѣ участія. О, тяжело, тяжело такъ страдать, такъ умирать человѣку! Но гдѣ оскудѣвала помощь человѣческая, тамъ не отступно пребывала помощь Божія. Ангелы Господни съ честію приняли души праведныя.

«Пали два сына святаго Владиміра; память ихъ чувствуетъ Святая Церковь, благословляютъ потомки, къ нимъ возносятъ свои мольбы, у нихъ просятъ заступничества предъ престоломъ Божиимъ.

«А братоубійца Святополкъ не долго величался на

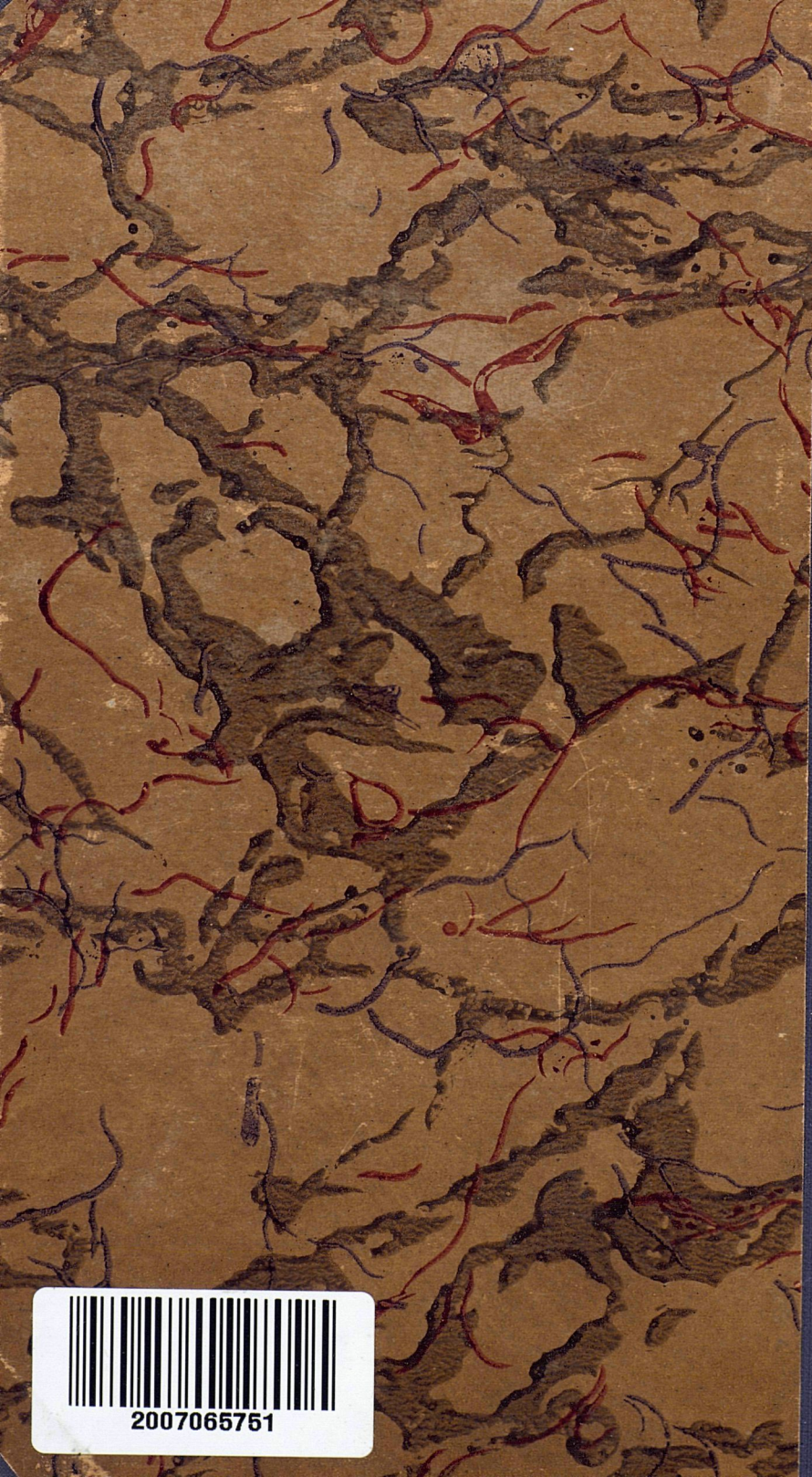
престоль, приобрѣтенномъ братнею кровію, — и ужасная смерть ждала его въ горахъ Чешскихъ. Въ кровавой сѣчѣ одолѣлъ мстителъ братней смерти Ярославъ, а «Святополкъ побѣже. И бѣжащу ему, нападе на нь бѣсъ, и разслабѣша кости его и не можаше сидѣти, и носяхуть ѿ въ носилѣхъ, и принесоша ѿ къ Берестью, бѣгающе съ нимъ. Онъ же глаголаше:» побѣгните со мною, женуть по насъ. «Отроцы же слаху за ся, егда кто женеть по немъ, и не бѣ никогоже въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ. Онъ же въ немощи лежа, и всхавився глаголаше «о се женуть, женуть! побѣгните!» и не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣже Ляцкую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвсмъ, и пробѣже въ пустыню межи Ляхи: и Чехи, и испроверже животь свой въ томъ мѣстѣ злѣ.» (*)

Таковъ былъ разсказъ старца о старинѣ Кіевской, такова память о смерти князей Бориса и Глѣба!

Съ той поры много бѣдъ тяготило Русь; невѣрный Татаринъ и буйный Ляхъ, воинственный Шведъ и двадцать кичливыхъ языкъ проносились по ней, какъ кара небесная. Много выстрадала наша отчизна милая, но страданіями искупила свои грѣхи, и Господь даровалъ ей дни красные, счастье долготнее.

(*) Несторъ по Кешгеб. стр. 100 и 101.

2007065751